Ганс Христиан Андерсен

Птица народной песни

Зимняя пора; земля покрыта снежной корой, словно пластом мрамора, высеченного из скалы; небо ясное, чистое; ветер колет, как острие выкованного гномами меча; деревья похожи на белые кораллы, на цветущие миндальные дерева; свежо здесь, как на вершинах Альп. Чудная ночь озаряется северным сиянием и мерцанием бесчисленных звездочек.

Завыли бури, облака собираются на небе стаями и отряхивают свое лебединое оперение; снежные хлопья порхают в воздухе и усыпают дорогу, дом, открытое поле и глухие переулки. А мы-то сидим у себя в уютной комнате, у пылающей печки, и слушаем рассказ о старине — сагу.

«У открытого моря возвышается могильный курган; на нем появляется в полночный час призрак погребенного там героя, конунга. Золотой обруч блестит на его челе, волоса развеваются по ветру, грудь закована в латы. Он печально поник головой и глубоко, горько вздыхает, словно дух, обреченный на муки.

Мимо плывет корабль. Мореплаватели бросают якорь и пристают к берегу. Между ними скальд; он подступает к призраку и вопрошает его: «О чем ты скорбишь и страждешь?»

Мертвец отвечает: «Никто не воспел моих подвигов; они забыты, умерли вместе со мною. Песнь не разносит мою славу по свету, не говорит о ней сердцам людей — вот отчего я не знаю покоя в могиле!»

И он поведал о своих славных делах и подвигах, оставшихся невоспетыми в его время, — не было скальда.

Старый скальд схватывает свою арфу, ударяет по струнам ее... и льется песнь о мужестве героя в юности, о силе его в годы зрелости, о всех его великих и добрых деяниях! Лицо умершего проясняется, словно край облака, освещенный луной. Яркое сияние озаряет призрак... Мгновение — и оно погасает, словно сноп северного сияния, а вместе с ним исчезает и самый призрак».

На том месте осталися только зеленый холм да голые камни без надписей. Но над ними взвилась, одновременно с последним ударом скальда по струнам, прелестная птичка. Она как будто вылетела из самой арфы. Это певчая птичка; она рассыпает трели, как звонкий дрозд, поет и задушевным человеческим голосом; в ее пении слышатся родные отголоски. Птичка понеслась над скалами, над долинами, над полями и лесами — то была бессмертная птица народной песни!

Мы слушаем ее пение, слушаем его сейчас, сидя вечерней порой в теплой комнате; на дворе же в это время летают белые пчелы и воет буря. Птичка поет нам не только суровые богатырские песни, но и нежные любовные мелодии о любви северян; она знает их без конца, без счета. Знает она и сказки, и пословицы, и поговорки в стихах; она истолковывает нам на нашем родном языке руны — язык мертвецов, заставляет говорить умершие поколения, и мы узнаем их житье-бытье; оно воскресает перед нами.

В древние языческие времена, во времена викингов, гнездо птицы качалось на струнах арфы скальда. А в рыцарскую эпоху, когда кулак склонял чаши весов правосудия, когда сила была правом, когда крестьян меняли на собак, — тогда где находила себе приют птица народной песни? Невежеству и мелочности не до нее было, но в оконной нише сидела за пергаментом благородная владетельница замка и записывала старые предания в песнях, которые сказывала ей старушка из крестьянской хижины или странствующий коробейник, и вот тут-то вилась и щебетала бессмертная птичка! Птица народной песни не умрет, пока на земле останется для ее ног хоть единая точка опоры!

Теперь она поет нам в теплой, уютной комнате, а на дворе бушует снежная метель, царит мрак. Птица переводит на наш язык древние руны, и благодаря ей мы познаем свою родину. Сам Бог говорит нам на нашем родном языке устами птички. Старые предания восстают из могил,

потускневшие краски освежаются. Песня и сказание — благодатный напиток, возвышающий душу и мысль. Простой зимний вечер становится рождественским сочельником! Вьюга крутится, лед трещит, буря бушует; она сильна, она господствует, но над нею есть еще Господин.
Зимняя пора; ветер колет, как острие меча, выкованного гномами; вьюга крутится; сдается, что она крутится уже целые дни, недели, что весь город погребен под снежными сугробами и погружен в тяжелый зимний сон. Все занесено снегом; над белой насыпью возвышается только золотой крест церкви, символ веры в Распятого, и сияет под лучами солнца.
И вот над погребенным городом пролетают птички небесные, большие и малые. Они щебечут, поют, каждая по-своему.
Прежде всех являются воробьи. Они чирикают о малых мира сего, обитающих в улицах и переулках, гнездах и домах. Они знают, что творится и в больших домах, и в надворных флигелях. «Знаем мы этот погребенный город! — говорят они. — Все живое в нем чирикает по-своему! Пип! Пип!»
Над белой снежной пеленой пролетают и черные вороны и вороны. «Кар! Кар! — кричат они. — Город похоронен! Но там все-таки найдется еще чем набить зобы! А это ведь первое дело! Так думает большинство, а оно всегда пра-пра-право!»
Пролетают, шумя крылами, и дикие лебеди и поют о всем великом и прекрасном, что еще пробивается из сердец и мыслей людей, обитающих в этом занесенном снегом городе.
Но не смерть там царит, там кипит жизнь. Мы внемлем ей; она выливается в звуках, мощных, как звуки церковного органа, хватающих за сердце, как мелодии из «Лесного холма», как песнь Оссиана, как бурный полет валькирий! Какие созвучия! Они говорят нашему сердцу, возвышают мысли, мы внемлем им в пении птицы народной песни! Мы внемлем ее пению, и — с неба веет теплым дыханием Божиим, ледяная кора дает трещины, в них проникают лучи солнца, вестники шествующей весны, прилетают птицы — новые птицы все с теми же старыми, родными песнями! Слушай же, слушай эпос года! Неистовство снежной бури, тяжелый сон зимней ночи — все исчезает, все забывается при звуках чудного пения бессмертной птицы народной песни!